

ОСТРИЕ РУССКО-ПОЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Вряд ли кто-нибудь станет отрицать, что острие русско-польских отношений — религиозное, не племенное, не территориальное, не политическое, не экономическое, а вероисповедное. Так было в жестокую годину Смутного времени, так есть, к великому счастью, и в ответственную годину настоящего светлого и ясного времени. Поляки одинаково с русскими народную душу свою полагают не в тленных феноменалистических планах истории, не в одном только материальном довольстве и не в воле к порабощению других народностей, а в разрешении неких вечных, онтологических задач, поставленных высшим смыслом истории и Божественной Правдой. Польша с великим порывом и страстью сознает себя священным авангардом католичества в его движении на Восток, Россия смиренно чувствует себя наиболее крупным всемирно-историческим телом православия. Конечно, кроме этого основного контраста, есть много и других более мелких контрастов. Но я намеренно от них отвлекаюсь.

Я обращаю внимание на религиозное острие вопроса, которое остается в силе при самом братском и солидарном разрешении всех других вопросов. Впрочем, я убежден, что шила в мешке никакой «дипломатией» и никакими дружественными и политическими умолчаниями не утаишь, и без самого усиленного внимания к острию, без новых творческих фактов религиозного порядка истинно братских отношений между Польшей и Россией не может установиться, даже если бы над этим стали трудиться много политиков, много дипломатов и много самых талантливых государственных людей.

Между русскими и поляками должен открыться существенный обмен мнений на тему об острие, произойти религиозное взаимопределение. Это не может свершиться в один день, но это настоятельно необходимо. Что скажут поляки и как они отнесутся к проблеме религиозного острия, это, конечно, покажет олижайшее оудущее. Мы можем только сказать, что с великою жаждою ждем от них их слова и их религиозных высказываний. В надежде на то, что мое обращение не останется без ответа, я попытаюсь сформулировать то, что, по моему крайнему разумению, может сказать о религиозном острие православное русское сердце, то сердце, которое трепетно радуется сближению и братскому единению с великим единоплеменным народом, то

сердце, которое хотело бы быть свободным как от конфессионального ослепления и исторических предрассудков, так и от малейшего забвения своих нетленных, вечных святынь.

Я много думал и размышлял и после долгого испытания вопроса со всех сторон пришел к выводу, что русское и православное сердце могло бы обратиться к полякам с такой приблизительно речью:

«Братья поляки! Не в пример многим народам, вы больше всего дорожите своим религиозным предназначением. Мессианская идея у вас расцветает особенно пышным мистическим цветом. Прежде всего примите от нас привет за эту особую страстность и особую патетичность вашего отношения к своему высшему, сверхисторическому назначению. Ваш повышенный, часто пламенный интерес к нетленному лику своего народа, ваши порывистые и возвышенные стремления постигнуть Богу предстоящую душу Польши не могут не находить в нас самого горячего отзвука. Мы также ищем своего лика не на земле, а на небе, мы также в лучших представителях нашего народного гения горняя мудрствуем и горняя взыскуем. Несомненно, что мы, как и вы, вносим в религиозность черты нашей национальной психологии. Не в укор я хочу сказать это. В доме Отца обителей много, и каждый горящий светильник пред престолом Господним желанен и навеки благословен. У нас может быть только одна забота — чтобы светильник чисто и свято горел.

Но в то же время мы, как и вы, душу свою полагаем не в своих народных особенностях как таковых, а в нашей верности и в нашем служении святыне сверхнародной и абсолютной. Для вас такая святыня — католичество, для нас — православие.

Не будем закрывать глаз. Между тем и другим — огромная разница. Я менее, чем кто-либо другой, склонен отрицать глубокую пропасть, разделяющую психологию религиозности католической от психологии религиозности православной. Еще менее склонен я затушевывать великое провиденциальное различие в судьбах и исторических путях Церкви восточной и Церкви западной. Но вот вопрос: заходит ли это разделение до последней мистической глубины? Что, одному Богу мы служим или же двум?

Не нужно хладной терпимости! Было бы тягчайшим взаимным оскорблением, если б русские и поляки, во имя нигилистического принципа ложно понятого либерализма, стали бы «терпеть» святыни друг у друга приблизительно так,

как просвещенное государство терпит на своей территории шаманство или другие формы древнейших, уже оставленных заблуждений. Такую терпимость с гордостью должны отклонить как русские, так и поляки. Эта терпимость означала бы взаимопрезрение — но тогда лучше уж открыто и насмерть бороться друг с другом! Это честнее и религиознее. К счастью, кроме холодной терпимости, есть узкий, но зато надежный и положительный путь. Если мы вступим на этот путь, перед нами откроются неожиданные исторические перспективы. Я постулирую некий новый и творческий факт в отношениях между католичеством и православием. Должно произойти новое религиозное взаимопределение. Католичество и православие должны свершить акт церковного взаимопризнания. Под церковным взаимопризнанием я разумею не соединение Церквей, о котором пока страшно и трепетно помышлять, ибо оно нам рисуется чудесным, ослепительным, катастрофическим и потому мало зависящим от нашей исторической воли, а нечто гораздо более простое, предварительное и легко осуществимое и потому стоящее перед нами как некоторый долг и наша религиозная обязанность. Католики и православные должны прежде всего признать разделение между западной и восточной Церковью не онтологическим, а историческим. Мы бесконечно уважаем историю в ее религиозной конкретности и не думаем с ее великими образованиями обращаться легкомысленно. Но в то же время выше и больше истории — для нас онтология с ее нетленными святынями, и там, где история спорит и враждует с онтологией, там мы всегда и безусловно на стороне онтологии. Между католичеством и православием есть подлинное родство в онтологическом порядке. Как бы ни разделяли нас внешние формы и исторические новообразования — у нас есть некая несокрушимая общность в самых центральных святынях.. Мы одинаково живем и движемся таинствами; разными устами, но с одинаковым литургическим пафосом воспеваем Пречистую и Прене-порочную Матерь Светов *. Признаем же религиозно эту общность, устраним раз навсегда, решительно, всякие сомнения в ней, и тогда перед нами падут массы ненужных, воздвигнутых злой человеческой волей преград. Прежде всего должен сгнуться прозелитизм. Границы между католичеством и православием пусть останутся те же самые, что существуют сейчас. Будем обращать в христианство зулусов и папуасов, кафров и готтентотов, но не будем обращать в христианство друг друга! Лучшие из православных богословов, наконец, твердые обычаи православной Церкви признают действенность и действительность таинств католической Церкви. Такие крупные представители католического богословия, как о. Пальмиери, признают религиозное братство православия. Нужно, чтобы эти голоса перестали быть единичными и вылились в форму некоторого общего

канонического взаимопризнания. От этого взаимопризнания еще бесконечно далеко до желанного соединения Церквей. Очевидно, еще Церкви западной и восточной предстоит пережить огромный и, мнится нам, катастрофический, быть может, даже апокалипсический опыт, прежде чем рухнут великие преграды и над землей, уневестившейся и готовой к новой правде, просияет единое солнце нераздельной католической истины. Поэтому долго еще Церкви западной и восточной предстоит идти своими разными путями и свершать по-разному втайне единое дело. Но расходясь в путях до антиномизма, будем уважать друг в друге служение единому Богу, многочастне и многообразно раздающему Свои дары, многочастне и многообразно ставящему задачи и призвания векам и народам. Будем чувствовать единую глубину под нами, единое небо над нами и бытие божественного единого Сердца в нас».

Еще несколько лет тому назад эти слова могли бы показаться общими, бледными и суммарными. Ибо онтологическое родство между католичеством и православием, кроме изуверов, никто не думал отрицать. Но к этому родству и в православии и в католичестве установилось с веками безразличное и холодное отношение. Поэтому говорить и напоминать о нем стало излишне и безрезультатно. Великий вихрь событий, переживаемых нами, здесь, как и во многом другом, чудесно приносит новые семена невидимых произрастаний, которые, быть может, мы сподобимся увидеть еще своими глазами, если только найдется в вас добрая почва. Потоки жертвенной крови, которую в союзе и братстве льют католики и православные против единого и общего врага, обнажают с новой и огромной силой глубинную линию родства и единства. Война рождает в нас новый мистический опыт, создает новые постижения основных сил и тенденций истории. И такие мировые начала, как католичество и православие, обретаются в существенно новом соотношении.

Наш общий враг — германизм, одетый в броню милитаризма, в своей глубине и движущей сущности опознается" как бунтующий и бушующий протестантизм. Не будем забывать относительной исторической правоты протестантизма. Но не будем закрывать глаз и на то шипение злобы, богохульства и величайшего религиозного отрицания, которое он фатальностью манифестирует в настоящей войне. Когда немецкие войска превращают костелы в конюшни и на престолах пьют и едят, как в кабаках, когда немецкие лейтенанты стреляют в чудесную реймскую храмину Божией Матери и в неистовстве посягают на столь же чудесную парижскую Ее храмину— мы, православные, чувствуем, что оскорбляются не в переносном,

а в мистическом и буквальном смысле наши святыни, и мы негодуем не как просвещенные люди, не как моралисты, которым противно всякое надругание над святынею само по себе, даже если оно направлено на святыню последнего дикаря; нет, мы негодуем как православные на то, что тут оскорбили ту Самую Божию Матерь, перед Которой распростирается ниц вся православная Русь. В Бельгии, Франции, Польше это Ее алтари, Ее святыни, Ее чудотворные лики и списки. И тут в этом общем порыве гнева и ужаса перед оскорблением святынь католики и православные неожиданно нападают на огненную и несокрушимую линию своего умопостигаемого родства. И верим, что нас сближает не только чувство гнева за одну святыню и чувство любви в преданности одной святыне, но и еще нечто более высокое и ослепительное. Мы верим, что Францию спас от растоптания и уничтожения невидимый Покров Богоматери, не раз проявлявшей Свою любовь к этой парадоксальной нации чудесным вмешательством в ее историю, — а в спасении Франции — и грядущее спасение Бельгии; мы верим, что Пречистая Дева своим Покровом сообщает русскому воинству ту несокрушимую сталь духа, о которую расшибаются тевтонские полчища и разбитые должны освободить от своего неистовства Польшу.

Будем же чутки к новому опыту, дарованному нам Провидением, будем послушны великим и глубоким внушениям истории, которая в существе есть раскрывающаяся воля Божия, постараемся из всех сил забыть раздоры и уже изжитую вражду и сольемся в дружном порыве братской любви и церковного взаимопризнания. И, как говорит апостол языков: «Будем искать того, что служит миру и ко взаимному назиданию» (Рим. 14, 19).

